

РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ХОРОГРАФЫ: МЕГАСФЕН, ГЕКАТЕЙ АБДЕРСКИЙ И БЕРОС*

Одна из наиболее значительных работ, посвященная изучению «Индии» Мегасфена – основного источника сведений об Индии, поступавших в античный мир, принадлежит итальянскому историку Андреа Замбрини. Ее исследование «Gli Indika di Megasthenes» вышло двумя основными и двумя дополнительными статьями общим объемом около 200 страниц¹. К сожалению, до сих пор на эти публикации нет критического отзыва специалистов-индологов, а ссылки на них приводятся только тогда, когда нужно указать современное исследование сочинения Мегасфена². Во всяком случае, критический анализ их основных положений пока не предложен, и выводы их известны не очень хорошо. В данной статье предпринята попытка восполнить этот историографический пробел и представить собственную точку зрения на поднятые проблемы.

А. Замбрини вслед за О. Штайном полагает необходимым рассматривать «Индику» как продукт именно древнегреческой этнографической мысли. Она обратила внимание на то, что политический, исторический и литературный контексты, которые в значительной степени влияли на сложение этого произведения, как правило, не учитывались при его анализе³. В качестве литературно-исторического контекста она видит сочинения Платона: «Государство», «Законы» и «Политик», «Политику» Аристотеля, труды Ксенофонта, Исократ, а политического – те проблемы селевкидского государства, которые могли волновать Мегасфена в первую очередь⁴. При такой постановке вопроса соответствие данных «Индии» исторической реальности и ее реконструкция на основе сочинения Мегасфена должны быть сняты с повестки дня; во всяком случае эта проблема для Замбрини носит второстепенный характер по отношению к течениям, влиявшим на Мегасфена, так как сам он, по мысли историка, был не профессиональным литератором, а дипломатом⁵. В отличие от Б. Брелера и О. Штайна⁶, Замбрини

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Древняя Индия в "Индике" Мегасфена» (№ 98-01-00031).

¹ *Zambrini A. Gli Indika di Megasthenes // ASNP. 1982. Ser. 3. 12. 1 (далее – GIM). P. 71–149; eadem. Idealizzazione di una terra: etnografia e propaganda negli Indika di Megasthenes // Forme di contatto e processi di trasformazione nelle società antiche. Atti del convegno di Cortona (24-30 maggio 1981). Pisa – Roma, 1983 (далее – Idealizzazione). P. 1105–1118; eadem. Gli Indika di Megasthenes II // ASNP. 1985. 3. 15. 3 (далее – GIM II). P. 781–853; eadem. A proposito degli Indika di Agrigiano // ASNP. 1987. Ser. 3. 17. 1 (далее – A proposito). P. 139–154.*

² *Romanis F. de. Rome and the Nótia of India: Relations between Rome and Southern India from 30 B.C. to the Flavian Period // Crossings. Early Mediterranean Contacts with India // Ed. F. de Romanis, A. Tchernia. New Delhi, 1996. P. 145. Not. 125.*

³ GIM. P. 72; GIM II. P. 853. Ранее вопрос таким образом пытался ставить А. Чаттопадхьяй (*Chattoпадхьяй A. Megasthenes and Agrigian on the Morality of Indian Women // JOIB. 1973. 22. 3. P. 344–350*). Однако выводы индийского историка носят совершенно неправдоподобный характер. В сообщении, что всякая индийская женщина готова за подарок в виде слона отдаться тому, кто сделал этот подарок (*Arr. Ind. 17.3*), он видит, с одной стороны, пересказ сведений о царских куртизанках (по данным того же Мегасфена слон был исключительно царским животным), а с другой – продукт влияния греческой действительности, где женщины не обладали свободой ни в малейшей степени: греческий жених не мог до свадьбы даже увидеть лицо своей невесты, в Индии же женщины «пользовались полной свободой в социальных движениях» (!), молодые пары могли свободно встречаться до заключения брака и предаваться любви. Так незавидное положение древнегреческих женщин повлияло на Мегасфена при описании доступности индианок.

⁴ GIM. P. 80, 85; *Idealizzazione*. P. 1105–1106.

⁵ GIM. P. 85; GIM II. P. 797; *Idealizzazione*. P. 1106–1107.

⁶ *Stein O. Megasthenes // RE. Bd 15. 1931. Hlbd 29. S. 325–326; Breloer B. Megasthenes über die indische Gesellschaft // ZDMG. 1934. Bd 13. Ht. 2. S. 31.*

полагает, что «Индика» Мегасфена не предназначалась для описания истинного положения дел в Индии, но должна была служить пропагандистским целям Селевкидов, для чего индийское общество нужно было представить в идеализированном виде⁷. Сама праистория Индии должна была быть написана под влиянием факта образования селевкидской монархии, которая испытывала аналогичные с империей Маурьев проблемы по организации государственных институтов, «освоению новой географической и исторической реальности»⁸. С этих положений начинается первая статья Замбрини, и на их обоснование направлены все остальные.

В оценке развития раннеселевкидской хорографии Замбрини в значительной степени опирается на положения, высказанные в работах О. Мюррея⁹. По мнению Мюррея, «Индика» Мегасфена явилась прямым ответом на «Египтику» Гекатея Абдерского, целью которой было проведение определенной пропагандистской кампании в раннептолемеевском Египте. Селевк, посетив Египет, должен был быть поражен размахом этой кампании и инициировать собственную. И практически во всем Мегасфен, как и впоследствии Берос, следовал модели, составленной Гекатеем: в идейном плане, композиции, выборе сюжетов повествования и, в частности, в описании идеального общества с жесткой неподвижной структурой, разделенного на классы, возглавляемого царем-автократором. И хотя поддержка положений О. Мюррея со стороны Замбрини не была безусловной¹⁰, автор не представила никаких аргументов, иллюстрирующих правоту или неправоту английского ученого, в чем проявился один из главных недостатков ее исследования – декларативность.

Вопрос о возможности взаимовлияния сочинений Мегасфена, Гекатея Абдерского и Бероса – трех наиболее ярких представителей раннеэллинистической хорографии – требует особого внимания. Чтобы иметь основания говорить об этом, нужно показать, что «Индика» Мегасфена написана после «Египтики», что в структуре египетского и индийского общества по этим сочинениям имеются совершенно определенные совпадения и что эти возможные заимствования были с исторической и литературной точек зрения необходимы. Этого показа в работах Замбрини нет. Если Мегасфен, как она полагает, не был «профессиональным литератором», то вряд ли уместно выводить на первый план идеализацию индийского общества на основе греческой литературной традиции в качестве решения проблем современного ему эллинистического общества. С той же уверенностью можно утверждать, что Геродот и Ксенофонт не были писателями, но соответственно – путешественником и военным. От дипломата скорее можно ожидать сухого дипломатического отчета, чем грамотно выстроенного литературного произведения. В действительности, как представляется, влияние работы Гекатея на Мегасфена проследить довольно трудно: Египет, по Гекатею, – источник цивилизации, Индия, по Мегасфену, – ее восприемник; индийского царя в изображении Мегасфена нельзя назвать не только автократором, но даже просто строгим правителем. Тезис о зависимости Мегасфена от Гекатея, по крайней мере в том виде, в каком он представлен в работах Замбрини, не может быть признан доказанным.

Замбрини полагает, что главная цель автора «Индики» заключалась в описании идеального государства, общественной и частной жизни на примере индийского общества¹¹, а моделью для претворения в жизнь этой идеи Мегасфену должен был служить Египет¹². Получается довольно сложная картина: для описания идеального эллинистического общества на основе опыта птолемеевского Египта Мегасфен должен был отправиться в Индию и дать это описание в «индийских одеждах». Замбрини, как в

⁷ GIM. P. 94, 101; GIM II. P. 830, 850.

⁸ GIM II. P. 784–790, 798, 815.

⁹ GIM. P. 73, 96–99; *Idealizzazione*. P. 1115; *Murray O. Herodotus and Hellenistic Culture // CQ*. 1972. 22. С. 207–208; *idem. Hecataeus of Abdera and Pharaonic Kingship // JEA*. 1970. 56. С. 166.

¹⁰ GIM. P. 99–101.

¹¹ GIM. P. 810, 813, 816–817; *A propositio*. P. 143.

¹² GIM II. P. 797.

свое время О. Штайн¹³, стремится истолковать каждое высказывание Мегасфена, исходя именно из греческого, но – ни разу – индийского подтекста¹⁴. В частности, рассказ о необычных «сказочных» народностях должен был, согласно Замбрини, служить созданию еще более идеализированного образа¹⁵, для усиления «любования» Индией¹⁶, и их упоминание в «Индики» нельзя рассматривать, исходя только из индийских реалий¹⁷. В этом нужно видеть проявление зависимости Мегасфена от сочинения Ктесия, которое, по мнению Замбрини, не характеризуется ни цельностью, ни наличием общего замысла, но было основным источником информации для последующих поколений авторов, описывавших Индию¹⁸. Созданию такого рода картины были призваны служить и такие сюжеты, как идеализация истории страны и ее климат¹⁹. Как полагает Замбрини, «Индики» Мегасфена не может не восходить к сочинению Гекатея Абдерского уже только потому, что до него греческая литература не знала цельного описания Индии (вместо него – лишь набор диковинок и чудес)²⁰. Между тем в одной недавней работе не без оснований говорится, что такое описание было предпринято уже Ктесием²¹.

Замбрини стремится видеть в «Индики» один лишь продукт греческой этнографической мысли. Так, обращаясь к давно обсуждаемой проблеме семи классов индийского общества, представленных в «Индики» Мегасфена²², она поддерживает мысль Б. Брелера, что здесь речь не может идти о сословно-кастовой системе²³, но в этом сообщении нужно видеть исключительно влияние древнегреческой этнографической традиции, идеализировавшей иерархичное и неподвижное общество²⁴. Это один из наиболее характерных примеров того, как сознательное игнорирование материалов индологии в угоду изначально принятому тезису может сослужить плохую службу. Удивительно, но в своих работах Замбрини ни разу не обратилась к материалам индийской традиции; вообще, невнимание к индологическому подходу выдает недостаточность знаний Замбрини в этой области: так, разбирая вопрос о семи классах в «Индики» Мегасфена, она определила, что сословно-варшная система Индии представляла собой четыре «варны» с многочисленными подразделениями в виде «каст», что, конечно, не соответствует современным представлениям об этом институте²⁵. Главными авторитетами в индологии, особенно в области общественных институтов, для Замбрини являются вполне удовлетворительные для своего времени, но все же сегодня устаревшие работы О. Штайна и Б. Брелера²⁶. При рассмотрении достоверности сообщений о мифических народах Замбрини, кроме этих работ, больше ничего

¹³ Stein O. Megasthenes und Kautaliya. Wien, 1921. S. 42, 63, 110–115, 123, 201–205, 285.

¹⁴ GIM. P. 121, 139; GIM II. P. 801–802, 807–808, 826.

¹⁵ GIM. P. 79; GIM II. P. 835.

¹⁶ GIM. P. 94.

¹⁷ GIM. P. 80.

¹⁸ GIM. 130, 138.

¹⁹ GIM. P. 112–115, 121, 138–139.

²⁰ GIM. P. 102–103, 122, 125.

²¹ Auburger J. L'Inde de Ctésias // Inde. Grèce ancienne. Regards croisés en anthropologie de l'espace. Actes du colloque international – Besançon 4–5 Décembre, 1992. Besançon, 1995. P. 39–51. Нельзя не признать, однако, что многие положения этой работы выглядят сомнительными. Стоит напомнить, что помимо сочинений Ктесия и Мегасфена имеются еще и труды Неарха, Аристобула и Птолемея, которые вряд ли были бессистемными.

²² Об этом см. Бухарин М.Д. Описание индийского государства в «Индики» Мегасфена // ВДИ. 1997. № 3. С. 138–149.

²³ Breloer B. Megasthenes über die indische Gesellschaft // ZDMG. 1934. Bd 13. Ht 2. S. 162; *idem*. Drei unbekannte Megasthenesfragmente über die pravrajyâ // ZDMG. 1939. Bd 93 (18). S. 266.

²⁴ GIM. P. 90; GIM II. P. 802.

²⁵ GIM II. P. 802; Бонгард-Левин Г.М., Вигасин А.А. Общество и государство древней Индии // ВДИ. 1981. № 1. С. 42; Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Архашастра: проблемы социальной структуры и права. М., 1984. С. 132; Wigasin A.A. Mischkasten im Manava-Dharmaschastra // AoF. 1990. Bd 17. № 1. S. 121–122.

²⁶ GIM II. P. 805, 816–817.

не использует из написанного по данной теме²⁷. С положениями этих и более поздних работ²⁸ можно в чем-то не соглашаться, но все они ориентированы на анализ механизма отражения в античной мифологии индийской мифологической традиции, и не принимать их во внимание нельзя. Остается неясным, почему эти статьи не попали в поле зрения Замбрини. Слабость индологической базы в ее работах при постоянном следовании одному и тому же заранее выбранному тезису проявляется в следующем принципиальном положении: одной из насущных исторических задач Селевкидов, определившей точку зрения Мегасфена на Индию, была необходимость объединения страны и централизации управления. Именно этот аспект в деятельности Маурьев и должен был привлечь внимание Мегасфена в первую очередь и повлиять на образ Индии в его изложении²⁹. Здесь Замбрини оказалась в плену давно устаревших представлений об империи Маурьев как централизованном бюрократически мощном государстве, полностью контролируемом верховной властью. Представления о наиболее характерных чертах государственного устройства птолемеевского Египта (централизованное управление, наличие царя-автократора, неподвижность и неизменность общественной структуры) должно было, по мысли Замбрини, подтолкнуть Мегасфена к поиску аналогичных институтов в маурийской Индии³⁰. Нельзя не отметить, что точка зрения о жестко централизованной системе управления державы Маурьев – наследие историографии 30–40-х годов³¹.

По мнению Замбрини, влияние Гекатея на Мегасфена проявляется также в следующем: последний опирался на «философов» как авторитетных информаторов, что объясняется «отсутствием местной информации». Кроме того, Мегасфен стремился к научному объяснению чудес, увиденных им в Индии³². Хотя Замбрини не оперирует сообщениями индийских источников, она считает, что приведенные данные убедительно постулируют значительное влияние Гекатея на Мегасфена в описании идеального государства: Мегасфен представил гармоничное, фиксированное в своей структуре, гомогенное, самодостаточное общество, возглавляемое царем-эвергетом, естественно укрепленную и изолированную страну³³. Но при этом, «Индика» Мегасфена явилась «тонкой репликой» на «Египтику» Гекатея Абдерского, и описание похода фараона Сесостриса в Индию у Мегасфена определенно носит «язвительный» характер³⁴. В таком случае остается предположить, что имена всех прочих завоевателей, упомянутых Мегасфеном: Семирамиды, Набокодросора, Теаркона и Иданфирса (Strabo. XV. 1. 6; Ag. Ind. 5. 6–8), – приведены лишь для того, чтобы включить Сесостриса в череду

²⁷ Например, *Hosten S.J.* The Mouthless Indians of Megasthenes // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal.* 1912. 13. P. 291–301; *Shafer R.* Unmasking Ktesias' Dog-Headed People // *Historia.* 1964. 13. P. 499–503; *West M.L.* Megasthenes on the Asthomi // *The Classical Review.* 1964. 14 (78). P. 242.

²⁸ *Karttunen K.* Κυνοκέφαλοι και Κυνάμολοι in *Classical Ethnography // Arctos. Acta Philologica Fennica.* 1984. 18. P. 31–36; *idem.* A Miraculous Fountain in India // *Ibid.* 1985. 19. P. 55–65; *idem.* The Country of Fabulous Beasts and Naked Philosophers. India in Classical and Mediaeval Literature // *Ibid.* 1988. 21. P. 43–52. О «рассекречивании» сказочных народов, описанных в античной традиции на основе индийской, говорил и Ж. Дюмезиль (*Dumezil G.* Héraclès, ses fils et sa fille // *Dumezil G.* La courtisane et les seigneurs colorés et autres essais. Vingt-cinq esquisses de la mythologie. P., 1983. P. 46–47).

²⁹ GIM. P. 93; GIM II. P. 843; *Idealizzazione.* P. 1109, 1117.

³⁰ GIM. P. 100.

³¹ См. об этом: *Breloer.* Megasthenes über die indische Gesellschaft...; *Raychaudhury H.* Political History of Ancient India. Calcutta, 1953. P. 348; *Scheider U.* Die grossen Felsen-Edikte Ashokas. Wiesbaden, 1978. S. 166, 169; *Heesterman J.* Inner Conflict of Tradition. Delhi, 1985. P. 140. Современную точку зрения см. *Fussman G.* Quelques problèmes asokéens // *JA.* 1974. 162. № 3–4. P. 369–389; подробно эта тема разбирается в следующих работах: *Лелюхин Д.Н.* Государство, администрация, политика в Артахашташе Каутильи // ВДИ. 1993. № 2. С. 6–7; *он же.* Структура державы Маурьев по сведениям эдиктов Ашоки // ВДИ. 1998. № 2. С. 115–116, 121–128; *Визасин А.А.* К интерпретации эдиктов Ашоки. Правление и праведность // ЭВ. 1998. 25. С. 74; *он же.* К интерпретации эдиктов Ашоки: pariśad // ВДИ. 1998. № 1. С. 61–71.

³² GIM. P. 144.

³³ GIM. P. 144–145; *Idealizzazione.* P. 1110–1111.

³⁴ GIM II. P. 791.

традиционных для греческой этнографии владык-завоевателей. Но этот список очень устойчив и выделить кого-либо одного из него не представляется возможным – или нужно признать, что эта «реплика» направлена в то же время и против Скифии, Ассирии и Вавилонии.

В своей диссертации Замбрини предложила настоящую детективную историю рождения «Индики». Селевк Никатор во время пребывания в Египте должен был быть поражен новой идеологией Птолемея Сотера: обеспечением жесткой централизованной власти, идеологическим оправданием обращения к местному этническому компоненту, для чего он использовал фигуру Сесостриса. Для Селевка было важно пройти те же географические регионы, что и Александр, использовать его пример и извлечь из этого похода те же результаты: достичь положения вселенского правителя, стоящего выше регионального сепаратизма. Для этого была создана история с походом в Индию Диониса и Геракла, дела которых должны были продолжить Александр, а затем – Селевк³⁵. Однако основы этой легенды были заложены все тем же Гекатеем, у которого поход Осириса-Диониса трансформировался в поход Александра – продолжателя его дела и наследника великих фараонов, возведенных на трон Дионисом³⁶.

Но для этого Мегасфену совсем не обязательно было ездить в Индию. Такого рода сочинение он мог создать в любом месте государства Селевкидов. Кроме того, история о походе в Индию Диониса и Геракла в том виде, как ее использует Замбрини, была написана еще до Мегасфена историками Александра (Агг. Аπαб. IV. 28. 1–2; V. I. 5–6; Curt. VIII. 10. 11 ; VIII. 11. 2) и к Мегасфену не имеет прямого отношения. Замбрини датирует поездку Мегасфена в Индию 303–292 гг. до н.э. Но в это время Селевк должен был решать куда более сложные проблемы: он вел борьбу с Антигоном Одноглазым на западе и должен был урегулировать отношения с Чандрагуптой Маурья на востоке, так что появление "Индики" в это время выглядит куда более логичным в связи с установлением взаимоотношений с восточным соседом, чем выполнением «пропагандистского антиптолемеевского заказа» Селевка Никатора. Кроме того, такая работа потребовала бы личного контакта, основанного на глубоком доверии между Селевком и Мегасфеном, что, как показал Т.С. Браун, вряд ли было возможно³⁷. Прославление царя-цивилизатора – часть пропагандистской политики Селевкидов, считает Замбрини³⁸. Но образ индийского царя скорее соответствует изнеженному «бонвивану», нежели строгому владыке. К сожалению, Замбрини не привела ссылок на источники, поэтому определить, на основе чего она сделала свои заключения, не представляется возможным. Согласно Замбрини, использовать «Индику» Мегасфена для реконструкции индийской истории нельзя из-за полной зависимости этого сочинения от древнегреческой литературной традиции и чрезмерной идеализации описываемого региона³⁹; она считает, что у Мегасфена речь идет не о «проникновении внутрь культуры для ее понимания», но о «ее использовании для собственных целей»⁴⁰. Но эту же цель преследовали все греческие этнографы: сама суть этой традиции заключалась в инкорпорировании всех прочих традиций в свою собственную, тем более, что, по представлениям этнографов, все люди поклонялись одним и тем же богам, лишь под разными именами.

Суть «Индики» Мегасфена Замбрини видит в следующем: это было своего рода идеологическое послание, в котором воссоздавался образ идеальной автаркичной страны. Идеалы политической, общественной и частной жизни представлены в «Индики» в литературно-творческом ключе. Внимание Мегасфена прежде всего привлекала обще-

³⁵ GIM II. P. 791–800; A propositio. P. 152.

³⁶ GIM II. P. 785; A propositio. P. 145–152.

³⁷ Brown T.S. The Merits and Weaknesses of Megasthenes // The Phoenix. The Journal of the Classical Association of Canada. 1957. 11. P. 13–15.

³⁸ GIM II. P. 784, 790, 791; Idealizzazione. P. 1115, Ap. C. 145–152.

³⁹ GIM. P. 146; GIM II. P. 815.

⁴⁰ GIM II. P. 787.

ственная жизнь – здесь наиболее ярко проявилось стремление автора к идеализации (ее кульминация – постулат об отсутствии рабства и исконной простоте индийцев⁴¹), а также идея государства как сдерживающего фактора против сепаратизма⁴². «Индики» Мегасфена – великая утопия в форме сухого дипломатического отчета, в которой смешались реальное историческое и литературное начала, поэтому использовать ее для исторических реконструкций нельзя⁴³. Личные наблюдения Мегасфена теряют свою ценность, так как они служат целям глобальной идеализации⁴⁴. Кульминацией процесса централизации державы Маурьев было правление Ашоки⁴⁵, но необходимость борьбы с децентрализацией, проявлявшаяся и ранее, вызвала к жизни тотальный контроль государства над всей общественной жизнью, что и привлекло внимание Мегасфена в первую очередь⁴⁶. Но даже там, где ему не было нужды прибегать к сознательной идеализации, он, по мнению Замбрини, оказался совершенно не самостоятельным писателем: в том, что касается географии и астрономии, он мог лишь следовать сведениям спутников Александра, дав небольшие уточнения по протяженности Индии⁴⁷. Здесь Замбрини лишь повторила положения работ О. Штайна⁴⁸ и отчасти Т.С. Брауна⁴⁹. Остается сожалеть, что в работе Замбрини эти утверждения не подтверждены материалами источников и, таким образом, выглядят необоснованными. Довод о сильной зависимости «Индики» Мегасфена от «Египтики» Гекатея Абдерского, тем более о некоем заказе Селевка Никатора на создание идеализированного образа Индии в противовес птолемеевскому Египту, не выглядит доказанным.

* * *

Критика построений Замбрини, выработка более взвешенного взгляда на сочинение Мегасфена требуют рассмотрения возможной взаимозависимости трех древних писателей – Гекатея Абдерского, Мегасфена и Бероса. В «Индики» Мегасфена и «Египтике» Гекатея Абдерского⁵⁰ прослеживаются одни и те же темы. Среди наиболее заметных тем, проходящих через все сочинение Гекатея, является установление царской власти в Египте. Этот сюжет описан в категориях, настолько близких «Индики» Мегасфена (вплоть до дословного совпадения), что вопрос о зависимости одного автора от другого действительно уместен. О. Мюррей, А. Замбрини и поддержавший их К. Карттунен решили этот вопрос в пользу зависимости Мегасфена от Гекатея Абдерского⁵¹. В данных работах, однако, трудно найти убедительные аргументы, чтобы согласиться с такой точкой зрения. Рассказ Гекатея об установлении царской власти в Египте в его сопоставлении с аналогичным сюжетом в отношении Индии, возможно, даст ответ на вопрос о путях заимствования. Но прежде всего необходимо напомнить, что еще задолго до появления рассматриваемых произведений именно Индия заняла в античной литературе место «страны чудес», расположенной на краю мира и как бы самой природой отгороженной от остальной ойкумены, страны,

⁴¹ GIM II. P. 831, 834; Idealizzazione. P. 1109.

⁴² GIM II. P. 826.

⁴³ GIM II. P. 827, 851–852.

⁴⁴ GIM II. P. 807.

⁴⁵ Zambrini A. La politica di Asoka // RAL. 1976. Ser. 8. 31. P. 165–192.

⁴⁶ GIM II. P. 812, 818–819.

⁴⁷ GIM II. P. 827–830, 850.

⁴⁸ Stein. Megasthenes. S. 284.

⁴⁹ Brown T.S. Onesicritus. A Study in the Hellenistic Historiography. Los Angeles–Berkeley, 1949. P. 171.

⁵⁰ А. Замбрини не выражает ни малейших сомнений в том, что в основе соответствующих глав «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского лежит именно «Египтика» Гекатея Абдерского. Оставляя этот вопрос вне рамок данной статьи, стоит отметить, что и это положение не выглядит абсолютно бесспорным.

⁵¹ Murray. Herodotus... P. 207–208; *idem*. Hecateus... P. 166; GIM. P. 73, 96–99; Idealizzazione. P. 1115; Karttunen K. India and Hellenistic World / Studia Orientalia. 83. Helsinki, 1997. P. 87.

где все не так, как везде, где размеры ее территории, растений и животных, плодородие ее земель превосходят все известное в остальном мире.

Рассмотрим данные «Египтики» Гекатея Абдерского, сохранные в рассказе Диодора Сицилийского. В отличие от индийцев, которые «узнали» богов только тогда, когда те сами к ним пришли, египтяне с ними познакомились, подняв глаза к небу, опознав в солнце и луне Осириса и Исиду (Diod. I. 11. 1). Дионис среди египтян был известен, по мнению эллинов, под именем Осириса (Diod. I. 11. 3), и те, и другие согласны в том, что эти божества управляют всем миром, дают рост всему живому и являются высшим пунктом генеалогического древа всех живых существ (Diod. I. 11. 5). Получается, что египтяне узнали первого бога, а потом и царя индийцев раньше их самих. Согласно Мегасфену, Дионис основал в Индии «много» городов, в том числе Нису (Agt. Anab. V. 1. 3 – 2.2, Ind. 7. 5; Diod. II. 38. 5; Strabo. XV. 1. 8; Plin. NH. VI. 23. 9; Solin. 52. 16; Curt. VIII. 10. 7, 11–12). Явно в противовес этому утверждению Гекатей пишет, что Египет во всей обитаемой земле – единственная страна, где многочисленные города были основаны древними богами: Зевсом, Гелиосом, Гермесом, Аполлоном, Паном, Илифией и др. (Diod. I. 12. 6). В рассказе Гекатея можно и дальше обнаружить точные параллели «Индике» Мегасфена: «египетский» Дионис был рожден в Нисе в Счастливой Аравии, недалеко от границы с Египтом (Diod. I. 15. 6); именно около Нисы, как и в случае с Индией, он обнаружил виноград, научил людей выращивать его, использовать и хранить вино, сеять пшеницу и ячмень. Затем Дионис собирался с огромной армией покорить весь мир с тем, чтобы сослужить людям добрую службу: он полагал, что, выведя человечество из состояния дикости и дав начала цивилизации, он, благодаря значимости этих деяний, сумеет получить почести бессмертных (Diod. I. 17. 1).

Именно так все и произошло. Уладив дела в Египте, Дионис доверил верховную власть Исиде, дал ей в советники Гермеса, так как из всех своих друзей он почитал его как самого мудрого (Diod. I. 17. 1–3). Интересно, что в Индии был оставлен «самый буйный» (βακχωδέστατος) его товарищ (Agt. Ind. 8. 1), так что такая реплика должна была говорить не в пользу Индии. Далее Дионис прошел Эфиопию, там он научил людей земледелию, основал несколько важных городов (Diod. I. 18. 6). Дойдя до Эфиопии и пройдя Аравию, он дошел до Индии вплоть до границ обитаемого мира (Diod. I. 19. 6). Там Дионис также основал много значительных городов, и назвал один из них Нисой, желая оставить воспоминания о городе, где он вырос. Дионис насадил там лавр – это единственное место, где он растет (Diod. I. 19. 7). Он оставил и много других знаков своего пребывания в этом регионе, которые заставили индийцев думать, что этот бог был индийского происхождения (Diod. I. 19. 8). В этой фразе первенство Египта в древности царской власти, основанной Дионисом, выражено уже совершенно открыто. Естественно, что Гекатей, пусть и со ссылкой на неких мифографов (Diod. I. 11. 3), использовал то же имя, что и Мегасфен. И рассказ о том, как Дионис стал царем благодаря своим добрым делам, повторяется практически во всех деталях. Но не Мегасфен зависел от Гекатея, а наоборот: в рассказе Гекатея идет полемика с историей о пребывании Диониса в Индии, причем в той ее форме, в какой она стала известна через Мегасфена. Далее Гекатей в пересказе Диодора (I. 27. 5) сообщает о существовании стелы на могиле Диониса, где говорится, что он прошел весь мир, в том числе и Индию, и нет места во всем обитаемом мире, которое бы он не посетил. То, что его могила находится именно в Нисе в Счастливой Аравии, явно указывает на несогласие в этом принципиальном вопросе с данными историков Александра и Мегасфена. Потом он посетил остальные народы Азии и ушел в Европу (Diod. I. 20. 1), а это вполне укладывается в сообщения о его возвращении из Индии на запад (Agt. Anab. V. 1. 5; Polyae. Strateg. I. 1. 3). Он обошел всю землю и облагородил жизнь рода человеческого, введя употребление плодов, которые легко возделывать. Затем, перейдя из мира людей в мир богов, он получил от Исиды и Гермеса жертвоприношения и все остальные почести. Они же установили для него религиозные церемонии и многочисленные тайные ритуалы (Diod. I. 20. 6). Египтяне говорят, что именно благо-

даря этим событиям египетские колонии распространились по всей земле, например, в Вавилонии (Diod. I. 28. 1); очевидно, что эта информация противопоставлена сообщениям об Индии, согласно которым индийцы не посылали своих экспедиций за пределы своей страны (Diod. II. 36.3; Strabo. XV. 1. 6; Agt. Ind. 5. 6–8; 9. 12). Таким образом, Гекатей поднимает те темы, которые не могли появиться в его работе иначе, как заимствованные из работ историков Александра и «Индики» Мегасфена: поход Диониса в Индию, его возвращение на Запад, оспаривание расположения Нисы – места рождения Диониса, приписывание подробностей цивилизаторской деятельности «индийского» Диониса (тема, разработанная именно Мегасфеном) Дионису «египетскому».

«Количественные» данные о древности царской власти в Египте также говорят о том, что, если полемика и велась, то вел ее Гекатей с Мегасфеном, но не наоборот. Египетские мифографы насчитывают от времени правления Диониса до прихода Александра в Египет 10 000 или 23 000 лет (Diod. I. 23. 1: от Гелиоса до Александра – 23 000), т.е. значительно больше, чем 6042 года от Диониса до Александра, насчитываемые в Индии (Agt. Ind. 9. 9); древнеегипетские боги правили в самой глубокой древности по 1200 лет, а их наследники – минимум по 300. Царская власть в Египте передается тем, кто оказал народу самые многочисленные и великие услуги (Diod. I. 43. 6) – такова точка зрения местных жрецов (совершенно совпадающая с тем, что известно из рассказа Мегасфена об Индии), некоторые еще рассказывают, что первые 18 000 лет над Египтом правили боги и герои (как и в Индии, согласно Мегасфену). Потом Египет управлялся людьми 5000 лет вплоть до Птолемея – «Нового Диониса» (Diod. I. 44. 1), так что вместе получается гораздо больше, чем весь период существования царской власти в Индии. Если бы Мегасфен и хотел что-либо противопоставить Гекатею, он мог бы приписать и большее количество лет, а так очевидно, что полемика велась в обратном направлении в пользу упомянутого Птолемея – «Нового Диониса»⁵².

По поводу деяний Геракла Гекатей также противоречит традиции об Индии, согласно которой Геракл был рожден именно там, в Индии же он и совершил многие свои подвиги. Согласно Гекатею, Геракл родился в Египте (Diod. I. 24. 1), а то, что он очистил землю от чудовищ (тема, поднятая Мегасфеном), – египетская традиция, сохраненная греками (Diod. I. 24. 5). Налицо полное переписывание устойчивой этнографической традиции об Индии в пользу Египта. То, что Гекатей брал темы сочинений из материала об Индии, но полностью изменял их направленность, видно также из описания египетского общества и Нила. Так, при описании структуры египетского общества, Гекатей сообщает о делении египтян на три класса, «μερῆν» (слово, аналогичное использованному Мегасфеном), но при описании второго класса, который, как и у Мегасфена, отведен земледельцам, он указывает, что земельные собственники должны обладать оружием для защиты города (Diod. I. 28. 4–5), а это полностью противоречит информации Мегасфена, согласно которому земледельцы в Индии совершенно свободны от воинской службы (Diod. I. 36. 6–7; Strabo. XV. 1. 40; Agt. Ind. 11. 10). Как и первый класс у Мегасфена, верхняя ступень общественной структуры в Египте отводится наиболее «благородному» классу – евпатридам, наделяемым, как и философы Мегасфена, наибольшим почетом (Diod. I. 28. 4). Все классы индийского общества, упомянутые Мегасфеном, кроме административных шестого и седьмого, перечислены и Гекатеем, причем также подчеркивается наследственный характер профессиональных состояний (Diod. I. 74. 9), и в полном соответствии с учениями Платона и Аристотеля дается объяснение этому: каждое сословие египетского общества характеризуется как знающее свое дело наилучшим образом (Diod. I. 74. 2–7). Гекатей подчеркивает: в Египте не бывает так, чтобы один ремесленник занимался сразу несколькими делами, этот факт он противопоставляет демократическим городам и

⁵² В некоторых работах доказывается, что данные Мегасфена по этим вопросам абсолютно точно совпадают с материалом индийской традиции. *Benfey Th. Bemerkung zu einer Mitteilung des Megasthenes in Bezug auf indische Geschichte // ZKM. 1844. Bd V. S. 218–231; Mankand D.R. Puranic Chronology. Anand, 1951. P. 67.* Такого рода изысканий о «Египтяке» Гекатея Абдерского не проводилось.

«другим странам». В Египте, если ремесленник вмешивается в политику или практикует несколько занятий, его сурово наказывают (Diod. I. 74. 7). Это сообщение почти дословно повторяет сведения Арриана, пересказывавшего Мегасфена (Arr. Ind. 12. 8–9).

Величие Нила – один из древнейших и наиболее устойчивых сюжетов описания Египта в древнегреческой этнографии (например, Herod. II. 15–35). Тем не менее в представленном выше контексте описание Гекатеем Нила также можно рассматривать как стремление к изменению в пользу Египта сложившегося еще со времени Геродота и усиленного под влиянием историков Александра и «Индики» Мегасфена стереотипа восприятия Индии как страны чудес. Все то, что они сказали об Инде и Ганге, Гекатей приписывает Египту: необыкновенное плодородие, размеры реки, животных, населяющих ее, количество рыбы, важность Нила для окрестного населения. Сам пассаж, посвященный Нилу, очевидно, занимал значительное место в «Египтике». У Диодора несколько страниц (I.32. 1–40. 10) полностью посвящены великой реке, по большей части – описанию ее отличий от других рек, особенно в размерах (I. 32. 2, 5; 37. 2), и в отношении плодородия (I. 37. 8). Нил – самая большая река и единственная, чьи воды текут спокойно и размеренно (следовательно, Инд и Ганг – не такие «солидные» реки). Описание же дельты Нила (I. 33. 4–34. 2), ее размеров, количества островов в ней вполне может быть «противопоставлено» описанию Паталы – дельты Инда в сочинениях историков похода Александра Македонского. Размеры нильских животных и количество рыбы, живущей в Ниле, также должны были усиливать «нужное» впечатление (I. 35. 2, 8; 36. 1). Нил совсем не похож на все другие реки (I. 36. 7–8): он начинает наводнять Египет тогда, когда вода во всех остальных реках, начиная с «летнего тропика», идет на убыль. Географическое обоснование первенства Египта перед Индией дополняется описанием общего положения Египта как страны, естественно укрепленной и изолированной от внешнего мира, т.е. теми особенностями, которые ранее прилагались к Индии: Египет – страна, прекрасно расположенная, естественно укрепленная со всех сторон (I. 30. 1–4); он с трех сторон защищен землей (I. 31. 1) и превосходит численностью населения все остальные страны (I. 31. 5).

О легендарном подчинении Индии Египту говорится в истории об «идеальном» египетском царе Сесоосисе (I. 53. 1 – 58.5)⁵³. Большая часть его деяний носит откровенно «ангииндийский» характер. Сначала он послал флот, который покорил острова в Эритрейском море вплоть до Индии, а сам с войском по суше (через селевкидскую Сирию) покорил всю Азию (I. 55. 2). Он захватил не только территории, «позднее» завоеванные Александром Македонским и полученные Селевком, но и те, которые Александр так и не сумел покорить (прасиев), переправился через Ганг и прошел всю Индию до океана (I. 55. 3–4). Несомненно, это написано «в пику» историкам Александру и Мегасфену и, конечно, после него. Александр едва ли имел какие-либо представления о Ганге⁵⁴, который был «фактически» открыт для греческого мира именно

⁵³ О мифе в целом см. *Gunderson L.L. Alexander's Letter to Aristotle about India / Beiträge zur klassischen Philologie*. 110. Meisenheim am Glan. 1980. S. 22–23; *Lloyd A.B. Nationalist Propaganda in Hellenistic Egypt // Historia*. 1982. 31. P. 33–55, особенно P. 37–40. О мифических завоевателях Индии в целом см. также *Borzák I. Semiramis in Zentralasien // AAASH*. 1986. 24. S. 51–62.

⁵⁴ *Tarn W.W. Alexander and Ganges // JHS*. 1923. 43. P. 97–100; *idem. The Greeks in Bactria and India*. Camb. 1938. P. 154; *Meyer E. Alexander und der Ganges // Klio*. 1927. 21. S. 188; *Kienast D. Alexander und der Ganges // Historia*. 1965. Bd 14. Ht 2. S. 185–188; *Woodcock G. The Greeks in India*. L., 1968. P. 30; *Robinson T.R. Alexander and the Ganges. The Text of Diodorus XVIII. 6. 2 // ANB*. 1993. 7. P. 84–99. С этим не согласен А.Б. Босворт: *Bosworth A. Aristotle, India and the Alexander Historians // Athens. Aden. Arikamedu. Essays on the Interrelations between India, Arabia and Eastern Mediterranean / Ed. M.-F. Boussac, J.-F. Salles*. New Delhi. 1995. P. 27–44; *idem. The Historical Settings of Megasthenes' «Indika» // Classical Philology*. 1996. 91. 2. P. 120. Совершенно неудачной выглядит попытка Д.В. Панченко возродить идею Дж. Майерса о том, что Ганг был известен грекам еще со времен Скилака, который якобы прошел не по Инду, а по Гангу: *Myres J.L. An Attempt to Reconstruct the Maps Used by Herodotus // Geographical Journal*. 1896. 8. P. 605–629, особенно P. 623; ср. *Panchenko D. Scylax' Circumnavigation of India and Its Interpretation in Early Greek Geography, Ethnography and Cosmography, I // Hyperboreus*. 1998. 4. Fasc. 2. P. 211–243. Этот сюжет находится несколько в стороне от

Мегасфеном (Иеронимом и Клитархом, по мнению Э. Мейера и Д. Кинаста, через неких торговцев из Пенджаба или верхнего Ганга⁵⁵). Индия явно должна была быть подчинена Египту, так как Сесоос приказал собрать со всех народов, покоренных им за девять лет своего похода, по ежегодному подарку; кроме того, он с множеством пленных и огромной данью триумфально вернулся в Египет (Diod. I. 55. 10). Пропагандистская «антииндийская», «антиалександровская» и «антимегасфеновская» направленность этой истории здесь очевидна. Если бы Мегасфен писал после Гекатея Абдерского, он не смог бы так явственно акцентировать внимание на том, что Индия не была покорена никем из ходивших на нее походом до Александра Македонского (Strabo. XV. 1. 6; *Ag. Ind.* 5. 6–8; 9. 12). Характеристики, данные Сесоосису Гекатеем, также не оставляют сомнений в этом: он превзошел всех, кто когда-либо получал власть, военными подвигами, величием, количеством возведенных памятников и работ, проведенных в Египте (Diod. I. 57. 3). Этот образ идеального царя развивается Гекатеем и далее: носитель верховной власти в Египте – само воплощение закона, а это, по его мнению, совсем не характерно для правителей других народов, которые занимаются тем, что им нравится, никому не отдавая отчета (здесь также можно увидеть неприкрытый упрек индийским царям, описание беззаботного распорядка дня которых было дано Мегасфеном – Strabo. XV. 1. 55). Вся же деятельность египетских царей контролируется законом – не только управление страной, но и ежедневный распорядок и образ жизни (Diod. I. 70. 1). Царь никого не может осудить по своему капризу, но только по закону (Diod. I. 71. 1). Египтяне утверждают, что именно у них появилась письменность (согласно Страбону, индийцы не знали искусства письма – XV. 1. 53), астрономия, основы геометрии и другие науки, и именно там были установлены наилучшие законы (Diod. I. 69. 5). Доказательством этому служит то, что Египтом почти 4700 лет управляли цари, большая часть которых происходила из Египта же (в отличие от Индии, где царская власть была установлена извне), и что это самая процветающая страна во всей ойкумене. Такая ситуация не могла сложиться в стране, которая бы не управлялась обычаями, законами и всем тем, что всемерно способствует процветанию культуры (Diod. I. 69. 6). А древность такого положения вещей должны были подтвердить визиты Орфея, Гомера, Пифагора, Солона, которые приезжали учиться у египтян, в том числе и наилучшим законам (Diod. I. 69. 4). Ведь

рассматриваемых в настоящей статье проблем, тем не менее, следует отметить: все его аргументы, кроме того, что «индийская река» течет на восток (это якобы не вписывается в историю античной картографии), выглядят лишь «подозрениями», не основанными даже на здравом смысле. Если следовать такой логике, то можно указать на то, что и Ганг впадает в Бенгальский залив в южном направлении. Особенно странными выглядят попытки толковать данные Геродота по навигации, исходя из сообщений Арриана и Плиния Старшего (р. 225), когда уровень развития транспорта, особенно морского, был принципиально иным, и отождествить *Kaspáπyρoς* с Паталипутрой, а не с *Kāśyapara* (р. 231). Для исследований по «Индике» Мегасфена более важным является следующее предположение Панченко: Мегасфен и был тем, кто отождествил реку, по которой путешествовал Скилак, с Гангом. Основанием такой гипотезе послужило то, что Мегасфен сравнивал Ганг с Меандром, «родной рекой Скилака» и что «трудно предположить, что это сравнение было введено самим Мегасфеном» (Panchenko. *Op. cit.* P. 222–223), т.е. он должен был взять его из труда Скилака. В чем же заключается такая трудность, остается неясным, и почему Малая Азия не могла быть родиной самого Мегасфена, а Меандр – хорошо ему известной рекой? Об этом см. *Witkowski S. De patria Megasthenis // Eos.* 1898/1899. S. 22–24; *Reuss F. Megasthenes // Rheinisches Museum.* 1906. 61. S. 304–305; *Berard P. Fouilles d’Ai-Khanoum. V. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d’histoire Gréco-Bactrienne / MDAFA.* 1985. V. 28. P. 132.

Стоит также отметить: несмотря на всю безапелляционность формулировок, не выглядят доказанными и положения Ж. Дайтона, считавшего, что между Индией и территорией Ближнего Востока в первой половине I тыс. до н.э. существовали исключительно прочные морские связи, поддерживавшиеся финикийцами, и что бассейны Ганга не мог быть *terra incognita* для персов. Он доходит до невероятных утверждений, как, например, об «экспорте железного века» финикийцами в Индию ок. 600 г. до н.э. (*Dayton J. Herodotus, Phoenicia, the Persian Gulf and India in the First Millenium B.C. // Arabie Orientale, Mésopotamie et Iran Méridionale. De l’âge du fer au début de la période islamique. P., 1984.* 37. P. 372).

⁵⁵ *Meyer. Alexander... S. 187–188; Kienast. Op. cit. S. 185.*

судопроизводство египтян позволяет вынести самое справедливое решение (Diod. I. 75–76), а закон у них равен для всех (Diod. I. 76. 3). То, что именно Индия – страна, где обычаи наиболее всего способствуют процветанию, известно из Мегасфена (Diod. II. 36. 4), Гекатей же полностью меняет этот стереотип.

Еще целый ряд сюжетов, затронутых Мегасфеном, представлен у Гекатея «в пользу» Египта. Согласно Мегасфену, в Индии имеется множество городов (историки Александра насчитывали их 5000), каждый из них не меньше, чем Кос (Plin. NH. 6. 59); он также сообщал, что народ пандов имеет 300 поселений (Plin. NH. VI. 76; 7. 29), а всего в Индии проживало 118 народностей (Arr. Ind. 7. 1; Plin. NH. VI. 60). Как пишет Гекатей, в древности в Египте насчитывалось 18 000 важных деревень и городов (Diod. I. 31. 7), а при Птолемее Лаге – 30 000 (Diod. I. 31. 7), т.е. и по количеству поселений Египет Гекатея значительно опережает Индию Мегасфена, и вряд ли это могло случиться, если бы Мегасфен писал после и под влиянием Гекатея. В Египте, согласно последнему, деревья плодоносят в течение всего года (Diod. I. 34. 8), и это могло быть противопоставлено описанию двух годовых урожаев в Индии по Мегасфену (Diod. II. 35. 3; Strabo. XV. 1. 13; XV. 1. 20).

Если рассматривать сочинение Бероса под этим же углом зрения, то выяснится, что в «Вавилонике»⁵⁶ тенденции, намеченные Гекатеем, еще более усиливаются, но уже – в пользу Вавилона. Эта работа, написанная в трех книгах, посвящена Антиоху I Сотеру (Tat. Oratio ad Graec. 37), правившему в 280–261 гг. до н.э., сыну Селевка Никатора и «третьему» наследнику Александра. Берос родился между 350 и 340 гг. до н.э. и был современником событий, произошедших во время правления и сразу после смерти Александра Македонского⁵⁷. Время составления «Вавилоники» падает на 293/292–261/260 гг. н.э., скорее всего на первую половину царствования Антиоха Сотера: 293–280 гг. до н.э.⁵⁸ В то время Беросу было бы уже лет 50–60. Во всяком случае, есть все основания предполагать, что «Вавилоника» Бероса была исползована Клитархом⁵⁹. Таким образом, его сочинение написано, самое позднее, через 10–15 лет после «Индики» Мегасфена, и предположение о возможности влияния сочинения Мегасфена на работу Бероса не лишено оснований.

Достойны внимания некоторые совпадения между «Вавилоникой» Бероса и «Индикой» Мегасфена. Как и в Индии, представленной в сочинении посла Селевка Никатора, первые люди в Вавилоне жили, словно звери («ἀτάκτως ὡς τὲρ τὰ θηρία»); все главные навыки цивилизованной жизни они получили от Оанна, некоего первопродка, сочетавшего в себе черты рыбы и человека. Он научил их искусству письма (а его первым «сочинением» было описание государственного устройства) и вычислений, строительству городов и храмов (Дионис в изображении Мегасфена был известен как основатель первых индийских городов и религиозных культов); дал законы (были введены в Индии опять же Дионисом) и разделил земли (здесь напрашивается аналогия с деяниями индийского Геракла, который распределил землю между своими сыновьями), даровал семена, плоды и все, что было необходимо для повседневной жизни (F 8. 25–37; F. 12 – ср. с нововведениями в Индии Диониса). Описание деяний Оанна в начале истории Вавилона П. Шнабель, несмотря на то, что аналоги само-

⁵⁶ Возможны другие варианты ее названия: «Халдейские истории» (Χαλδαϊκὰ ἱστορία|Χαλδαϊκὴ ἱστορία) – так ее называет Иосиф Флавий (F. 54), «Древнейшее историописание» (ἡ τῆς ἀρχαϊότατος ἱστοριογραφία) – так ее называют Юстин, Татиан и Климент Александрийский (F. 65). Ссылки на текст «Вавилоники» Бероса приводятся по изданию: Schnabel P. Berossus und die babylonisch-hellenistische Literatur. Lpz.-B., 1923. S. 249–275. См. также Burstain S.M. The Babyloniaca of Berossos. Malibu, 1978 и новейшее исследование древнегреческой традиции о Египте и Месопотамии с переводом сохранившихся источников, в частности «Вавилоники» Бероса: Verbrugge G.P., Wickersham J.M. Berossos and Manetho Introduced and Translated: Native Traditions in Ancient Mesopotamia and Egypt. Michigan Univ. Press, 1996.

⁵⁷ Schnabel. Op. cit. S. 6.

⁵⁸ Ibid. S. 9–10.

⁵⁹ Ibid. S. 43–65.

му персонажу в местной традиции имеются, называет «absolut sterile Phantasie»⁶⁰. Ближайшей параллелью этой истории не может быть что-либо иное, кроме «Индики» Мегасфена – той ее части, где повествуется о закладывании основ индийской цивилизации Дионисом.

Династийная история Вавилона, начинающаяся этим персонажем, доводится, как и в «Индики» Мегасфена, до Александра Македонского (F. 29b. 35). Первый вавилонский царь Алор правил, согласно Беросу, 3600 лет (F. 19. 19–20; F. 30a. 26–30) – гораздо дольше, чем индийские цари в сочинении Мегасфена, что также должно указывать на то, что в Вавилоне первые цари были «более архаичными». Да и вся длительность вавилонской истории – 10 царей до потопа, правивших вместе 120 саров (432 000 лет)⁶¹ по 3600 лет каждый, 86 царей после потопа, правивших вместе 33 091 или 34 090 лет, и исторические династии⁶², правившие, по Беросу, 36 000 лет (по современной хронологии, с 2232/1 по 732/1 гг. до н.э.)⁶³ – в сравнении с 6042 годами индийской истории до Александра Македонского – должна была впечатлить читателя. Налицо обработка местной легенды «на греческий лад» с явным пропагандистским уклоном. Это тем более симптоматично, что Берос хорошо знал сочинения Ктесия Книдского и полемизировал с ними в «Вавилонике»⁶⁴. Во всем этом не было ничего особенно примечательного, если бы «Вавилоника» не была преподнесена Антиоху Сотеру – сыну Селевка Никатора, которому была посвящена и «Индики» Мегасфена, и если бы тема сроков правления первых легендарных и вполне исторических царей не поднималась в каждом из рассматриваемых сочинений (при том, что цифры, приводимые их авторами для обоснования престижа и «древности» Индии, Египта и Вавилона, постоянно возрастают). Так что Берос использовал не только вавилонские «ἀναγραφὰ περὶ τοῦ οὐρανοῦ καὶ θαλάσσης καὶ πρῶτουοίας» и «ἀναγραφὰ περὶ βασιλέων καὶ τῶν κατ' αὐτοὺς πράξεων». Им явно двигали и «пропагандистские» мотивы, диктовавшие насущной политической конъюнктурой.

Очевидно, что после появления «Египтики» Гекатея Абдерского, с одной стороны, и утраты реальной власти Селевкидов над восточными владениями, с другой, Индия перестала быть единственным претендентом на роль «самой древней» и «идеально» организованной страны. Восходившим на престол эллинистическим правителям нужно было искать новых мифологических персонажей для обоснования своего престижа, зависевшего от далекого прошлого. Каждый из них стремился к утверждению своего «исторического первенства», подчеркиванию тех основ, которые поднимали престиж патронируемой им области выше исторического наследия как своих соседей-конкурентов, так и предшественников. В этом контексте «Вавилоника» – совершенно закономерное явление в ряду таких произведений, как «Индики» Мегасфена и «Египтика» Гекатея Абдерского, тем более, что все три автора были практически современниками и все они служили правителям разных соперничавших между собой эллинистических династий.

⁶⁰ Ibid. S. 27.

⁶¹ О хронологической системе, использовавшейся Беросом, см. Meyer E. Das chronologische System des Berossos // Klio. 1903. 3. S. 131–134.

⁶² Анализ данных об исторических династиях в сочинении Бероса см. Lehmann C.F. Die Dynastien der babylonischen Königsliste und des Berossos // Klio. 1903. 3. S. 135–163.

⁶³ Необходимо еще принять во внимание 1 680 000 лет, прошедших в вавилонской истории от сотворения мира до правления первых «допотопных» царей. Если прибавить 12 000 лет, «отпущенных» историей после смерти Александра, то вся вавилонская история занимает в «Вавилонике» 2 160 000 лет (Schnabel. Op. cit. S. 176, 188, 194).

⁶⁴ Ibid. S. 41.

M.D. Bukharin

This article is the first to present a critical analysis of the thesis by A. Zambrini «Gli Indika di Megasthene». One of its basic statements is the dependence of Megasthenes' «Indika» on the ideas and structure of «Aegyptica» of Hekataios of Abdera. The «Indika» must have appeared as one of the steps of anti-Ptolemaic propaganda of Seleucos I Nicator. Similarity of the problems faced by Maurian India and Seleucid State and the influence of Hekataios were the most important factors of the idealizing tendencies in the «Indika». In fact, Zambrini's thesis is based upon an outdated Indological foundation and from this point of view does not stand criticism. The comparison of the preserved fragments of Megasthenes' and Hekataios works makes it clear that if there was any influence at all, it was Hekataios' who wrote his «Aegyptica» under the influence of Megasthenes: all the features of India which formed its image as that of a miraculous country were emphasized and sharply strengthened in Hekataios' work. The existence of state propaganda in early Hellenistic states on the basis of the descriptions of ideal countries, their history, people and nature is evident from the fact that all these features were sharpened even more in the «Babylonica» of Berossos.

© 2000 г.

А.А. Вигасин

ДИАЛОГ СО СМЕРТЬЮ

Среди многочисленных вставных эпизодов «Махабхараты» один из наиболее известных – «Рассказ о Савитри» (III. 277–283). Он неоднократно был переведен на разные языки, в том числе и на русский¹. Сюжет повествования таков.

Могучий и славный царь племени мадров по имени Ашвапати («Владеющий конями») страдал от того, что не было у него наследников. Долгие годы он исполнял суровые посты и обеты, моля богиню Савитри дать ему сыновей. Наконец, боги смилостивились, и у царя родилась дочь, которой в честь богини дали имя Савитри. Царевна выросла и стала девушкой божественной красоты. Однако женихи к ней не сватались, ибо их останавливал ее tejas («сияние, блеск»). Ашвапати велел дочери, чтобы она сама нашла себе мужа, и царевна отправилась в путь. Вернувшись, Савитри сообщила отцу, что ее выбор сделан. Он пал на юного Сатьявана, единственного сына царя племени шалвов. Она рассказала также, что отец Сатьявана некогда ослеп и лишился престола, а потому вынужден вместе с женою и сыном жить, как отшельник, в лесной обители. Выслушав все это, находившийся рядом с Ашвапати мудрец Нарада пришел в смятение, ибо он знал, что Сатьявану ровно через год суждено умереть. Царь пытался воспрепятствовать этому браку. Но девушка твердо ответила, что она не отступит от своего решения – и пришлось отцу готовить свадьбу.

Весь год Савитри жила с мужем и его родителями в лесной обители как смиренная отшельница. Накануне предсказанного срока она исполняла подвиги сурового аске-

---

¹ Сказание о Савитри (из «Махабхараты») / Пер. с санскрита П.Я. Петрова // Москвитянин. 1841. Ч. 6. № 11; Махабхарата. Рамаена / Пер. С. Липкина. М., 1974; Махабхарата. Две поэмы из III книги / Пер. Б.Л. Смирнова. Ашхабад, 1955; Махабхарата. Кн. III. Лесная («Араньякапарва») / Пер. с санскрита Я.В. Василькова и С.Л. Невеловой. М., 1987; Повесть о Савитри / Пер. Н.В. Лобановой // Петербургское востоковедение. 1997. Вып. 9.